

Киборг как код новой онтологии

Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел

Алла Митрофанова

Куратор, Музей звука. Адрес: 191040, Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, 53.
E-mail: twinsmi@mail.ru.

Ключевые слова: киборг; Донна Харауэй; феминистская эпистемология; контингентная онтология; феминизация машин.

В статье рассматривается понятие «киборг», ставшее кодом современной культуры во многом благодаря Манифесту Донны Харауэй. Киборг — это первый природно-культурный гибрид новой онтологии, отрицающий классическое различие природы и культуры, а также властные и гендерные аспекты этого различения. Киборг — не субъект, не объект, не сеть; его можно помыслить только из позиции неклассической эпистемологии. Но тогда сдвигается рамка привычных политический оппозиций и социальных норм.

В статье автор отвечает на вопрос, из каких эпистемологических ресурсов было возможно занять столь радикальную позицию. Киборги киберпанков разделяют классическую онтологическую бинарность, у них есть конспирология власти, страх самопорождающих машин, биологи-

зация индивида-одиночки. Но киборг Харауэй основывается на феминистской критике субъекта и объективации женского, что в соединении с постпозитивистской анархо-эпистемологией позволило произвести новый код, то есть радикальный отказ от оппозиции природы и культуры ради гибридного симбиоза без внешних оснований. Данный подход подготовил современные контингентные/нестабильные онтологии, агентный реализм и новый материализм. Политической позицией в контингентной онтологии оказывается не выстраивание антагонистических оппозиций сомнительного генеза, а конструирование новых алгоритмов, связей и взаимодействий хрупкой, не репрессивной природно-культурной реальности в ситуации непрерывно поступающих новых данных.

Киберфеминизм или киберпанк

С ПУСТЯ три десятилетия после первой публикации в 1985 году «Манифест киборгов» Донны Харауэй требует перепрочтения с учетом актуализирующих его политическое и эпистемологическое значение событий. Текст оказал сильное влияние на эпистемологию науки, теорию феминизма, философию техники и насыщен актуальными политическими стратегиями. Как Харауэй удалось охватить разом такое множество тем? Какова концептуальная логика манифеста? Предположим, что это стратегия *подмены кода* — вероятно, впервые осознанно использованный в гуманитарном философском тексте прием. Нам предложен код, выраженный метафорой соединения прежде несоединимого — кибернетического и органического. Этот код заставляет пересмотреть метафизическое разделение на природу и технику, его гендерные и властные экспликации. Принимая позицию Харауэй, мы вынуждены отказаться от принятой гуманизмом презумпции естественности и целостности человеческого, допустить техническое проектирование и программирование в повседневную реальность и психический мир субъекта.

Массмедиа-пространство заполнено гламурными киборгами, массово произведенными под влиянием литературы киберпанка, однако киборги манифеста Харауэй эпистемологически отличны от них. Существа, созданные киберпанком, принадлежат прежней парадигме противопоставления органического и технического, индивидуального и властного, они порождаются способом механической замены частей или по милитаристскому принципу надевания брони. К теории Харауэй, скорее, может иметь отношение героиня фильма Тарковского «Солярис», которая, не будучи белковым организмом и не имея прямого отношения к культуре людей, вступает с героем в сложные отношения любви, понимания, сострадания, то есть «небиологического» родства. Возникают своего рода «экосексуальные» отношения, то есть отноше-

ния не со своим биологическим видом¹. «Манифест киборгов» ставит своей целью расширить границы родства, денатурировать идентичность и установить новые отношения в промежуточной (медиа) области животного-человеческого, биологического-технического, то есть в сфере становления гибридных феноменов, а не заданных внешним образом сущностей. Киборг — это новая зона смысла («он незаконное дитя милитаризма, капитализма и госсocialизма»). В ней должны конструироваться новые эпистемологические, онтологические и политические описания современности.

Теорией киборга Донна Харауэй вступила в полемику на нескольких фронтах одновременно.

- Как ученый-биолог, она включилась в деконструкцию базового понятия — природного органического существа.
- Как феминистка, Харауэй выступила не только против гендерной нормативности совместно с радикальным феминизмом, но и одновременно против теории радикального феминизма с его эссенциализацией женского.
- Как эпистемолог постпозитивистской парадигмы, она предложила концепцию «локального знания» (*situated knowledge*), показав взаимозависимость научной и политической постановки проблем в конкретной ситуации знания, когда научная постановка проблем нерелексивно воспроизводит политический язык (милитаристский язык иммунологии, патриархатный язык эмбриологии).
- Как марксистка, она выдвинула критику марксистской концепции труда, но сохранила диалектику как позицию различия, выступая против претензий капитализма на универсальную рациональность.

Киборг-метафора, предложенная Харауэй в манифесте, создает критический инструмент, позволяющий вскрывать «самоочевидность» эпистемологических, гендерных и политических оснований. Это своего рода код, который может быть применим в науке и политике, в гендерной теории и технике; он позволяет междисциплинарному анализу функционировать в качестве анализа эпистемологических установок. Манифест вовлекает различные заинтересованные группы (ученых, политических активистов, художников) в актуальную полемику. Коллега Харауэй, Карен Барад,

1. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // Environmental Humanities. 2015. Vol. 6. P. 159–165. См. URL: <http://environmentalhumanities.org/arch/vol6/6.7.pdf>.

ввела термин «онто-эпистемология», а позицию самой Харауэй можно определить как политическую эпистемологию. «Манифест киборгов» стал одним из ключевых текстов направления феминистской эпистемологии. Базовое положение манифеста — отрицание гендерной нейтральности метафизики. Если метафизическое разделение на природу и культуру, на частное и публичное несет в себе код гендерной бинарности, которая воспроизводится в серии политических, технических и научных оснований за счет властных стратегий эксплуатации труда, мизогинии, расизма, то феминистская эпистемология должна это деконструировать и предложить иной код ради возможности переизобретения нового жизненного мира.

Киборг vs гендерная метафизика: информатика господства

Технологическое опосредование, по Харауэй, является характерной чертой современной ситуации и наследует весь букет траекторий мысли XX века, так называемые прагматический, лингвистический, коммуникативный повороты. Технологией опосредованы способы действия, каталоги знания, коммуникативные режимы. В то же время она лингвоцентрична, она пишет код, дает доступ к информации, располагается в непосредственной близости к медицинским телам в нейроинтерфейсах, кодирует биотехнологии.

Киборг рождается из нового положения дел в технике. В описании Харауэй машины XIX века являли собой карикатуры на маскулинистские претензии в отношении силы и власти. Машины кибернетического типа постоянно пугают *феминностью*: угрозой самопорождения (самовоспроизводство машин), а также нарушением прежней дистанции между телом и умом, естественным и искусственным. Они с эротической интимностью проникают в тела, соединяя техническое, письмо, власть.

Миниатюризация, как выяснилось, напрямую касается власти: маленькое — это не столько красивое, сколько предельно опасное. <...> Политически их столь же трудно увидеть, как и материально².

2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005. С. 329.

С киборгами связаны новые формы труда, войны, репродуктивности. Миниатюризация рассыпает целостный прежде объект на бионические элементы, зависимые от типов связей, включенности в системные взаимодействия. Частная сфера дома, которая ранее воспроизводилась и обслуживалась невидимой феминностью, теперь оказалась вскрыта новыми машинами. Больше не существует того невинного самоочевидного дома, где «природная материнская любовь» без права на личное высказывание неустанно заботилась о теле субъекта отцовского права.

Феминизация машин, их интимная вездесущность и неотрефлексируемая маргинальная властность разрушают базовое определение человеческого как противопоставляемого техническому и животному. Таким образом размывается основание гуманизма. Гуманизм в данном случае — это эпистемологическая рамка, в которой были предустановлены оппозиции: человеческое — животное, высокое — низкое, публичное — частное, мужское — женское. Согласно бинарной метафизике, которую Моник Виттиг, Люс Иригарей, Жак Деррида описали как гендерно-дифференцированную, гуманизм квалифицировал Природу как феминную, безгласную, невинную, самоданную, ресурсную. Ресурсом стали животные, леса, недра, сексуальность и женские тела... Киборг отрицает метафизическую бинарность Природы и Культуры. С одной стороны, он возникает там, где биология не дана напрямую в своей невинности, но опосредована технологией, знаниями, отношениями «исследователь — объект», политикой. С другой стороны, киборг не наследует культурной норме, у него нет отца, это постэдипальное существо, производящее монструозные фантазии (Зоя Софулис). Он отказался от наследства метафизики и в этом смысле свободен. В своей идентичности киборг — сирота, поскольку не может принять наследство классической онтологии, в его реальности умер не только Бог, но и Богиня, по определению Харауэй.

Но что случится, размышляет Харауэй, если гуманизм не станет отделять человеческое от животного и технического, примет их в свою семиотическую систему, распространит на них правила социального общения, включит в коммуникационные системы как других? В такой установке можно обнаружить общие коды, которые расширят понятие социального и поставят под вопрос существующие иерархии. Появляется возможность переосмыслить ранее самоочевидные, то есть уже заданные, не подвергаемые анализу и потому репрессивные области возможного знания. В новой установке прежние целостности распадаются на эле-

менты новых функционально-коммуникативных эпизодов или частичных тел, и возникают новые, плохо опознаваемые гибриды, странные пограничные тела. Например, фрагменты синтетических биологических объектов, понятые как полуживое выставочное произведение нового искусства, экспериментальные геномно-цифровые лингвистические коды.

Киборг — это ироническая метафора или код, придуманный для того, чтобы нарушить правила бинарного распределения смысла и смешать противоположности в экстравагантной гибридной индивидуации. В последней легко узнаются разные стратегии политического, гендерного, возрастного аутсайдерства, но метафора не только эпатирует, она устанавливает новые смысловые границы и задает инструментальные возможности. Этот прием — работать через метафору как эпистемологическую сцену — характерен для XX века. Если следовать позиции Ницше, то истина — это «мобилизованная армия метафор». Такое отношение к истине характеризует постпозитивизм, психоанализ, которым наследует Харауэй. Так, постпозитивист Пол Фейерабенд пишет:

Рассуждение становится эффективным только в том случае, если оно подкреплено соответствующей предварительной установкой... каждое рассуждение включает в себя космологические допущения, в которые нужно верить, чтобы рассуждение казалось правдоподобным. Чисто формальных рассуждений не существует³.

Киборг-метафора вводит гибридный объект в новую онтологию, это своего рода «монизм», который стратегически собирает смысловую ситуацию, основанную на ином принципе рационализации и драматургии, ситуацию постоянно переизобретаемого «жизненного мира». Знание из такой позиции может пониматься как ситуативное (контингентное), но не становится необязательным, а, наоборот, приобретает более сложные добавочные корреляции этического и политического свойства; увеличивается плотность связей: научная парадигма коррелирует с эстетической, а научная логика — с художественным нарративом.

Харауэй анализирует, как меняется «интегральная схема» или *информатика господства* новой онтологии, которая совершает переход от индустриальной модели к «полиморфной информационной системе» — от тотальной работы к тотальной игре, при-

3. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. С. 9-10.

чем смертельно опасной»⁴. Новая онтология формулирует свои объекты «не в терминах сущностных свойств, а в терминах конструкции, предельных ограничений, потоковых уровней, системной логики, затрат на снижение ограничений»⁵.

Информация — это условная минимальная единица, позволяющая уравнивать все со всем, действующая как способ инструментализации современного общества. При этом минимальность и инструментальность такого кодирования затрудняют возможность сопротивления. Контрольные стратегии как со стороны сопротивления, так и со стороны власти возможны, но не на уровне целостных натуральных объектов, а на уровне интерфейсов, границ, допустимых и блокированных связей.

Контрольные стратегии будут сформулированы в терминах темпов, амортизационных затрат, степеней свободы. Человеческие существа, как и любой другой компонент или подсистема, должны локализоваться внутри системной архитектуры, основные модусы действия которой имеют вероятностный, статистический характер. Никакие объекты, пространства или тела не являются священными сами по себе; любой компонент может быть связан интерфейсом с любым другим, если только может быть построен соответствующий стандарт, соответствующий код для обработки сигналов на каком-то общем языке⁶.

Язык, образ, коммуникация/информация понимаются как предоставляющие набор допустимых операций, каждая эпоха в науке и политике создает собственные объекты и операции, и никакая наука не может претендовать на универсальность. Эта локальность не сущностного, а медийного свойства. Ее феномены — это гибридные объекты, создаваемые микрооперациями и коммуникациями, и это базовый принцип новой «онто-эпистемологии». Они действительны и вариативны, притом что не отсылают ни к каким стоящим за ними сущностям. Это заставляет понимать технологию не как отдельную субстанцию, а как операции производства локальной реальности — наряду с языком, когнитивными процессами, поведением. Это операции различения и связывания, конструирования и реконструирования.

Практически все виды человеческого оказываются опосредованы технологией. А технология, в свою очередь, опосредована ме-

4. Харауэй Д. Указ. соч. С. 339.

5. Там же. С. 341.

6. Там же. С. 342.

тафорой, языком, антропологическими смыслами. Наша реальность гибридна в своем неразличении эмпирического и трансцендентального⁷. Этот новый статус реальности нестабилен и открыт для производства и перепроизводства, хотя и лишен линейного футуризма начала XX века. Ошибочно считать, что эта эпистемологическая диспозиция запускается сугубо технологически: литература от Чехова и Пруста до современности занимается анализом чувственности, памяти, фантазии. Она с тем же операциональным упорством пишет новый код. Пользуясь термином Харауэй, можно сказать, что с начала XX века изобретается специальный тип письма, «киборганический семиозис», как особый вид аналитики и конструирования/кодирования и программирования ситуации, образа, социальности⁸.

Коммуникационные технологии и биотехнологии — вот ключевые орудия, переделывающие наши тела. Эти орудия претворяют и навязывают новые социальные отношения для женщин во всем мире. Технологии и научные дискурсы могут отчасти пониматься как формализации, то есть застывшие моменты, текучих социальных взаимодействий, их конституирующих, но вместе с тем они должны рассматриваться и как инструменты для навязывания смыслов. Граница между орудием и мифом, инструментом и понятием, историческими системами социальных отношений и историческими анатомиями возможных тел, включая объекты познания, легко проницаема. Вообще миф и орудие взаимно конституируют друг друга. Более того, коммуникационные науки и современные биологии выстраиваются в результате общего движения — вовлечения мира в проблему кодировки, поиск общего языка, в котором исчезает всякое сопротивление инструментальному контролю и любая гетерогенность может быть подвержена разборке, сборке, загрузке и обмену⁹.

7. Делёз полагал трансцендентальный эмпиризм особым типом сущего, обладающим собственной имманентностью, не производной от метафизической бинарной оппозиции материи и идеи.
8. Можно сказать, что впервые радикальное конструирование нового общества и нового типа человека было разыграно в советской социальной и культурной политике 1920-х годов: в стратегиях Пролеткульта, в институтах женотделов «феминистского уклона большевиков». Проблема кодирования и программирования социальных отношений, коммунистической чувственности, идеологии и мировоззрения может рассматриваться как новый тип конструктивистского семиозиса.
9. Там же. С. 343.

Эпистемология киборга и поиск новой генеалогии

Харауэй — одна из основательниц новой эпистемологии, то есть эпистемологии ситуационного знания. В какой философской традиции мог возникнуть этот манифест? Каковы его связи с авангардными практиками первой четверти XX века? По мнению МакКензи Варка, она наследует подходу анархо-эпистемологии Фейерабенда, восходящей, в свою очередь, к критике опыта и универсализма знания, которая, по мнению Фейерабенда, была начата Махом. Мах решал проблему несовместимости оснований неокантианства и позитивизма, разорванности сознания и существования. Это привело его к отказу от трансцендентализма и внешней природы, к полемике одновременно против позитивизма и против идеализма в поисках новой монистической медийной или гибридной эпистемологии.

Мах, как известный ученый, критикует науку за ее претензии на универсальную рациональность. Но Фейерабэнд указывает:

Мах критиковал научные идеи не посредством сравнения их с внешними стандартами (критериями значения или демаркации), а показывая, как *само научное исследование* приводит к изменениям. Например, проверка методологических принципов осуществлялась не путем соотнесения их с абстрактной и независимой теорией рациональности, а посредством демонстрации того, как они помогают или мешают ученым в решении конкретных проблем. (Позднее Эйнштейн и Нильс Бор превратили эту процедуру в тонкое искусство.)¹⁰

Мах принимал любой тип познания, допуская методологический перенос из антропологии или мифологии в физику или физиологию, не обращая внимания на принятые границы дисциплин. Эти приемы междисциплинарного переноса позднее превратились в художественные принципы дадаистов, конструктивистов и сюрреалистов. Мах отрицал внеисторичность и универсализм понятий пространства и времени. Природные и физические объекты для него не были даны извне, они создавались на основе связывания и организации восприятий и описаний. Идея объективности, разработанная наукой XIX века, для Маха не была необходимой. Он отказывает вещи в ее сущности, оставляя только ее феномен, формируемый на основе восприятий, но он отсылает не к вещи, данной извне, но к способам феноменологического схватывания,

10. Фейерабэнд П. Указ. соч. С. 280.

к типу эпистемологических и формальных допущений, в которых одновременно формируются взаимозависимые субъект и объект. Оба могут быть охарактеризованы как гибридные или медийные феномены локальной ситуации.

Попытку Маха сделать исследование более широким — таким, чтобы оно имело дело как с «научными», так и с «философскими» вопросами, — не заметили ни его последователи, ни его оппоненты¹¹.

Его концептуальный анализ был превращен в формальную философию науки, которая сводила противоречия к рациональной логике.

Развитие попытки Маха работать с новыми методологическими принципами МакКензи Варк обнаружил у «махистов» (Александр Богданов). И через голову рационализирующих теорий эта попытка выходит к постпозитивизму Карла Поппера, Имре Лакатоса и Пола Фейерабенда и теории киборга Донны Харауэй.

По мнению Варка, традиционная оппозиция субъекта и объекта слишком торопится установить разграничительную линию. Плюса этой оппозиции устанавливаются за пределами мысли, и мы упускаем конкретность *этого* субъекта и *этого* объекта. Особую трудность для такого реализма составляет медиальность феномена. То, что происходит между объектами мира и мышлением субъекта, должно пониматься медиально. Но феномен, понятый медиально, отличается от концепта классической феноменологии более сложными технологически и «грязными» политически операциями. Структура усложняется за счет того, что новый феномен разъедает предшествующий. Этот переход от одного типа феноменов к другим становится новой теоретической проблемой, в то же время ориентация на бинарную оппозицию «субъект — объект» трансформируется в медиамонизм¹². С позиции повседневного опыта и здравого смысла такой медиафеномен принимается как более реальный, но метафизическая установка принуждает предполагать истинную реальность за ним. Задача — понять феномен как реальность, тогда наука должна исследовать способы восприятия и мышления, то, как они кодируют свои операции и объекты. Мах определил научную задачу как исследование *восприятий* при условии, что они не редуцируются ни к одному

11. Там же. С. 282.

12. Wark M. *Molecular Red: Theory for the Anthropocene*. N.Y.: Verso, 2015. P. 81–90.

из полюсов и не могут отсылать к внешнему объекту. Варк замечает, что Ленин несправедливо упрекал за субъективизм Маха, ведь тот не задавал вопроса, какой объект стоит за восприятием. Он задавал предыдущий вопрос: что такое восприятие, которое задает различение на субъективное и объективное, и как устроена эта связь? Мах использовал тактический монизм против философии и науки своего времени, настаивавших на реальном, которое не может быть познано¹³. В эмпириокритицизме феномены оказываются репрезентантами собственного способа производства.

Мы знаем, что философия эмпириокритицизма повлияла на феноменологию, прагматизм, неопозитивизм Венского кружка, а также на экспериментальную психологию и философию техники¹⁴. Влияние эпистемологического поворота Маха существенно сказалось и в социал-демократических теориях преобразования общества, легко прослеживается в социальных проектах марксистов-махистов и даже в дискуссиях Второго интернационала¹⁵. Если реальность не может иметь внешнего истинного обоснования, то она инструментальна, конструктивна, ее можно проектировать, программировать. В соединении марксизма и эмпириокритицизма (махизма как гносеологического марксизма) она приобретает зависимость от политического решения как кода для дальнейшего построения социального программирования. В теории марксистов-махистов марксов концепт труда был понят как монистический процесс производства мира. Это открыло перспективу радикального переизобретения реальности, подхваченную в 1918 году журналом «Новый ЛЕФ» в качестве нового кредо художника: художник не созерцает мир, а производит его. В понятиях Делёза можно сказать, что Мах говорил об особом рода сущем — трансцендентальном эмпиризме, не соотносимом ни с Природой, ни с Идеей. Одновременно пала и гендерно-

13. Тактический монизм Маха можно распознать в концепте автопоэзиса Лумана, когда система в пределах своего кода вырабатывает собственные операции самореференции, исключает инореференции и определяет собственную локальную медиареальность.
14. В России Георгием Челпановым, который вел переписку с Махом, в 1913 году был открыт первый в мире Институт экспериментальной психологии, изучавший феноменологию восприятия. Книга «Философия техники» Петра Энгельмейера вышла с предисловием Маха. В 1921 году была издана книга венского психолога Фрица Хайдера «Вещь и медиум», представлявшая собой попытку связать феномен и медиа.
15. Стейла Д. Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с ит. О. Поповой. М.: Академический Проект, 2013.

бинарная метафизика, открыв возможность реализовать феминистскую политику большевиков по переорганизации гендерной социальной структуры как десимволизации гендерного дуализма в направлении радикального монизма и гендерного равенства.

Политический консерватизм, связанный с холодной войной и со стиранием следов социал-демократической политизации философии, редуцировал конструктивистскую эпистему до нейтральности формальной рациональности или до отдельной академической дисциплины — лингвистической философии либо математической логики. Но возвращение к этой упущенной генеалогии позволяет включить богатый исторический опыт социального конструктивизма 1920-х годов и показать теоретическую преимущество от концепта медийных феноменов эмпириокритицизма до киборгической теории техники и современного программирования.

Эта традиция оказывает осязаемое политическое влияние, поскольку легко интерпретируется в понятиях радикального политического конструктивизма, обещающего новые решения, новые модели социального устройства.

Переопределение политического и феминистские стратегии

После утраты классических оснований западной онтологии и эпистемологии и после теоретической дискредитации авангарда оказалась дезориентирована и социальная политика. Но эта «одновременность падений»¹⁶ языков господства и очередное «технологическое загрязнение» гуманизма дают новые возможности. Ответом могут стать не цинизм или безверие, не версия абстрактной экзистенции, а построение новой *кибернетической семиологии* и новой политики. «Кем будут киборги — вопрос радикальный; ответ на него — дело выживания»¹⁷.

Главная социальная и политическая опасность, описываемая в манифесте, — это формирование на основе прежнего метафизического и гендерного каркаса консервативной

...бимодальной социальной структуры, при которой массы женщин и мужчин всех этнических групп... окажутся связаны экономикой домашней работы, безграмотностью и попадут под

16. Харауэй Д. Указ. соч. С. 357.

17. Там же. С. 328.

контроль высокотехнологичных репрессивных аппаратов в самых разных сферах — от развлечений до надзора и подавления¹⁸.

«Поэтому потребность в сопротивлении интенсификации господства никогда не была столь острой. Она связана с оспариванием смыслов и форм власти и удовольствий», то есть с программированием иной конфигурации практики и теории. Это значит, что гуманитарные и естественные науки оказываются в условиях, когда им приходится переформулировать свои основания, вопросы и цели.

Они также становятся участниками проектирования новых политических и социальных смыслов, новых отношений и коллективностей. Вспоминается известная мысль Ленина о науке, неотделимой от политического контекста. В наши дни она может быть выражена иначе: наука и социальные и политические отношения, несмотря на различие своих объектов, демонстрируют междисциплинарную гомологию в способах постановки вопросов, намерениях, социальных технологиях. Если говорить о гомологии, то обнаруживаются странные системные (междисциплинарные) совпадения: так, иммунология говорит на языке милитаризма; эмбриология, политика запрета аборт — на языке экономической эксплуатации ресурсов (нефти, женских тел). Павловская нейрофизиология говорит на языке тоталитарного контроля, а нейросистемы его учеников Петра Анохина и Александра Лурия (разработанные в 1930–1960-е годы) — на делёзианском языке 1968 года. Политической необходимостью становится, во-первых, деконструкция или взлом кода самоочевидных оснований пола, расы, класса, навязанных историческим опытом патриархата, колониализма, расизма и капитализма. Но еще важнее определить, с какой позиции можно мотивировать эту работу.

Марксистский анализ свидетельствует об изменении форм капитала и труда. Следуя этой диагностике, Харауэй показывает, что вектор технологических и социальных процессов влечет разрастание «экономики домашней работы» или «феминизацию труда». Индустриальные «семейные зарплаты» рабочих больше не компенсируют внеэкономический женский труд, количество стабильно занятых в промышленной сфере неуклонно сокращается, большинство видов труда, как новых, так и традиционных, оказывается в сфере нестабильности или вовсе исключено из финансового оборота. При этом требования к труду, связанному с за-

18. Там же. С. 351.

ботой, уходом, образованием, эмоциональным восстановлением, возрастают. Все большее количество мужчин и женщин заняты в новой нестабильной и экономически невидимой сфере некогда «феминного труда». Труд феминизируется в смысле уязвимости, многоаспектности, мультипрофессиональности. Но феминизация не является нейтральной ни в гендерном, ни в расовом отношении. Станным образом именно в домашнем личном пространстве благодаря видеоиграм разрастаются идея милитаристской экспансии и фантазия тотальной войны, связанные, по мнению Харауэй, с замещением утраченных позиций в публичном поле. Сейчас, с распространением социальных сетей, стало заметно, что дом («диваны») оказываются местом создания агрессивных депрессивных проектов. Но там же производится новый виток гендерного воображения, связанного с сексуальной объективацией, как и с эксплуатацией женского/материнского труда за выживание. Так проектируется опасность нового мизогинного будущего¹⁹, когда экономически обесточенное общество борется за выживание усилиями женщин-матерей, а остальная часть высвободившегося населения становится сырьем для авантюрной политики благодаря милитаристской пропаганде в компьютерных играх. Эта ситуация встраивается в западный гендерный дуализм с его репрессивными стратегиями и косвенно участвует в поста-

19. Ник Шрничек и Алекс Уильямс в книге «Изобретая будущее. Посткапитализм и общество после работы» предлагают анализ трех пересекающихся обскурантистских проектов будущего. Первый — неоколониальный: он включает торможение технического процесса автоматизации тяжелого труда и его перекладывание на плечи мигрантов, что вызывает замедление автоматизации, кордоны и скопление людей на границах. Второй — мизогинный проект, ограничивающий понимание труда традицией индустриального производства, несмотря на сокращение индустриальных форм, так что все тяготы выживания будут компенсироваться за счет изнурительного бесплатного женского труда. Третий — левый проект «Общество после работы», предложенный в книге: он расширяет понятие труда, вводя в него те виды деятельности, которые полагались феминными, натуральными, низкооплачиваемыми (рождение, кормление, воспитание, обучение, социализация и пр., что связано с воспроизводством человека, а не его профессиональной или потребительской ценностью на рынке). Эта переформулировка возможна после деконструкции понятия гражданства как закрытого общества привилегий и после того, как ресурсы начинают восприниматься не как источник прибыли, а как необходимый аспект потребления с последующим восстановлением среды. Все эти виды «феминного труда» способны переизобретать общество, занять и солидаризировать различные группы людей (Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. L.: Verso, 2015).

новке научных задач генетической коррекции, увеличении военных бюджетов.

Феминизация труда вновь актуализирует феминистские политические стратегии: кто контролирует интерпретацию телесных границ в медицинской герменевтике, кто кодирует распределение политического и частного, центрального и маргинального. Некритическая наука навязывает свою социобиологическую историю, где тела вписываются в диалектику господства как генетический расчет, как биотическое сырье, как предмет инструментализированной сексуальности, как выражение максимизации удовольствия и прибыли. Но инструмент феминистской борьбы 1970-х годов не подходит для выражения необходимой нам политики тела в практиках киборганической репродукции. Основной вопрос манифеста: на что мог бы быть похож другой политический миф? Для Харауэй это перспектива социалистического феминизма, которому в свое время удалось отчасти внедрить в политику радикальные институты гендерного равенства. Но социалистический феминизм прежде должен отказаться от «естественной матрицы единства женского», от политизации совокупной категории «женщины». Мы знаем о репрессивных эффектах феминистских движений — ситуациях, когда выигрывает группа активисток и проигрывает женское большинство, о расовой и этнической эксплуатации среди женщин. В российском контексте так же ясно, что природное женское не становится социальной базой феминизма как политического движения.

Распад тотальности касается не только властной позиции, но и политик сопротивления. Никто не может претендовать на то, чтобы служить голосом целого. Политика сопротивления должна стирать травмирующие колониальные и социальные идентичности расы, нации, привилегий, пола, сексуальности как навязанные прежней системой господства. Но прежние освободительные теории «сели на мель» из-за сохранения эссенциализации, то есть чрезмерного доверия Природе и скрытых иерархий господства: лидеров, партий и всеобъемлющих материнств. Поэтому новая феминистская теория критична по отношению к предшествовавшим ей направлениям социалистического и радикального феминизма.

Социалистический феминизм, опираясь на марксистскую теорию, пользуется онтологизацией труда: трудом измеряется процесс становления субъекта, и тем самым он оказывается подчинен труду. Стоит ли загонять субъекта в онтологию труда и производства или следует пересмотреть эту категорию, расширить поня-

тие труда и добавить заботу, воспроизводство человека и различную незаметную ежедневную деятельность, составляющую вклад в выживание? Заслуга социалистических феминисток в том, что они добивались включения женского репродуктивного труда в соцсистему по аналогии с мужским трудом, на основании марксистского понимания труда.

Радикальный феминизм, в свою очередь, представляет собой карикатуру на классовый марксизм, только вместо пролетариата — гендерная дискриминация, в которой своей идентичностью женщина уже обязана сексуальному присвоению. Она является женщиной, потому что существует желание мужчины. Под вопрос ставится и социологический объект радикального феминизма — «социальная жизнь женщины». Понятие «женщина» как социальная категория возникло в XX веке, как и понятие «молодежь»: оба — в той же логике, что и понятие «класс», появившееся в XIX веке. Радикальный феминизм навязывает травматический «опыт женщины», то есть самосознание несуществующей самости, создает новую воображаемую целостность и стирает действительную множественность способов жизни. Происходит сексуальная объективация женского, то есть используются иллюзия и абстракция вместо сопротивления отчуждению, при этом говорить о политической субъективации уже не приходится. В этой позиции происходит конституирование через желание другого. Своей идентичностью как женщина и феминистка она обязана желанию насильника, а это худший вариант и тотализация идентичностей. Этот путь заставляет стирать все остальные идентичности ради одной. Можно понять, ради чего женщины безоглядно присоединяются к логикам господства, желая, чтобы прозвучал их революционный голос, но эти логики историчны. Эпистемология не нейтральна, ее политическая функция — описывать границы и менять правила игры.

Харауэй предлагает феминисткам переизобретать и кодировать новые типы идентичностей и коллективности. Искать новые союзы и новые идентичности означает писать и контролировать социальный код, собирать информацию, заниматься поисковой деятельностью. Следуя Харауэй, можно заключить, что для принятия феминистской повестки нужна другая идентичность, сплетенная из разных опытов и рефлексивных стратегий, в которой могут возникать неожиданные союзы (прекарные работники, антиабортные кампании, ЛГБТИК+, мигранты) и новые социальные формы: от арт-проектов и социальной взаимопомощи до масштабных социальных ситуационных союзов. Но тот же

процесс протекает и в лабораториях. Харауэй ссылается на иммунологию как медицинскую дисциплину, которая построена на логиках кодирования и распознавания объекта как модели телесной реальности.

Границы расы, пола и класса — это коды господства, организующие социальные процессы, но они могут быть переописаны в киборгианской семиологии в сторону другой политики. Возможен ли феминистский анализ науки? Есть ли пути развития феминистской политики в области науки/технологии в союзе с антивоенными группами, выступающими за конверсию научных предприятий? Какое сотрудничество можно выстроить через разделяющие дисциплинарные и научно-технические иерархии?

Киборганическое письмо оказывается базовым инструментом переизобретения реальности, орудием нового пролетариата. Это не описание мира как он есть, это технология его изобретения, «технология, пишущая мир», подобная программированию. Она пишет не только идеологии, но и биотехнологию и микроэлектронику. Но если фаллологоцентристские коды работают по трафарету «команда — контроль — информация», то коды сопротивления пишутся как новые коллективности и гибридные идентичности с использованием аутсайдерского и маргинального опыта.

Борьба за смыслы письма — важнейшая форма современной политической борьбы. Отпустить игру письма — дело смертельно серьезное... Киборганическое письмо деконструирует фаллологоцентрические мифы, которыми колонизовано символическое пространство и, соответственно, тела²⁰.

Имеют значение новые или восстановленные мифы, переписывание истории, расплетенные, мутирующие и пересекающиеся идентичности. И по мнению Харауэй, это уже не деконструкция, а *пороговая трансформация*.

* * *

«Манифест киборгов» говорит языком политического энтузиазма ранней информационной политэкономии. Современная критика медиа пессимистично заявляет о конце эпохи революционизирующей новой технологии и о наступлении стадии тотального контроля, и это возвращает нас к прежним метафизическим позициям власти и ресурса/жертвы. Тем актуальнее возврат к ма-

20. Харауэй Д. Указ. соч. С. 358.

нифесту с его программой переписывания кода, практикам киборгического письма, к политической возможности программирования жизненного мира с учетом нового потенциала анализа «больших данных», к пересмотру философской генеалогии современности, анализу исторических эпизодов радикального социального конструирования 1920-х годов с их авангардными задачами, теориями и неудачами.

Манифест киборгов задает эпистемологическую и политическую стратегию, предоставляет инструктаж: нашей реальности свойствен переход от «органической» модели — дихотомии индустриальных капиталистических и социалистических обществ — к полиморфной информационной, полицентристской модели, которая характеризуется «информатикой господства». Вместо прежних целостностей здесь конструируются системы и подсистемы, которые постоянно находятся в режиме оптимизации, модульного конструирования и контроля. То есть реальность всегда конкретна, но вариативна. Каждая локальная реальность референтна сама себе, автопоэтична. Реальность является достаточной, если не распадается; индивид и среда образуют одну реальность — систему. Эти системы не реферируют к единому символическому другому (анти-Эдип), но опираются на собственные ситуационные основания. Ситуационное знание конструируется из своей локальности в жизненном мире через свой опыт и знания. Знания связаны с опытом историческим, психическим, гендерным, социальным, возрастным... Это создает по-новому понимаемую объективность. Если ранее знания были закреплены на каркасах общих понятий, то теперь они могут быть неполными, но достаточными для поддержания локальных ситуаций. Эта эпистемологическая установка придает знанию одновременно конкретность и вариативность. Вектор социальной технологии оказывается вопросом политической борьбы. Этот стратегический компендиум вновь стал востребован после движений «Оккупай» в последние пять лет в предложениях новых левых проектов²¹. Эти новые философские дискуссии зарождаются в блогах и быстро приобретают известность. Киборг с его расширенной биотехнологической идентичностью и гибридной эпистемологией, с его новыми инструментами программирования медиареальности оказывается фигурой нового левого проекта, его эпистемологическим пионером и, пожалуй, наследником органи-

21. *Стендинг Г.* Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ad Marginem; Гараж, 2013; *Wark M.* Op. cit.; *Srnicek N., Williams A.* Op. cit.

зационного проекта пролеткультовского авангарда Александра Богданова²². Можно ли считать его дальним родственником астронавтов «Красной звезды», которые стоят перед выбором политического воображения и перед необходимостью нового проекта гендерной, технологической, политической реальности?

Библиография

- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // *Environmental Humanities*. 2015. Vol. 6. P. 159–165.
- Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. L.: Verso, 2015.
- Wark M. *Molecular Red: Theory for the Anthropocene*. N.Y.: Verso, 2015.
- Стейла Д. Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М.: Академический Проект, 2013.
- Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem; Гараж, 2013.
- Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М.: Росспэн, 2005. С. 322–377.

22. Такую генеалогию МакКензи Варк предлагает в качестве проекта для филологической разработки в своей книге *Molecular Red*.

THE CYBORG AS THE CODE OF A NEW ONTOLOGY. POLITICAL AND EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF HYBRID BODIES

ALLA MITROFANOVA. Curator, twinsmi@mail.ru.

Sound Museum, 53 Ligovsky ave., 191040 St. Petersburg, Russia.

Keywords: cyborg; Donna Haraway; feminist epistemology; contingent ontology; feminization of machinery.

The article considers the concept of “the cyborg” which has become a code in contemporary culture thanks to *A Cyborg Manifesto* by Donna Haraway. The cyborg is the first natural-cultural hybrid of a new ontology that rejects the classical division between nature and culture along with the power and gender aspects of this distinction. The cyborg is neither a subject, nor an object; it is not a network. The cyborg may be conceived only from the perspective of non-classical epistemology. But then the frame of the customary political oppositions and social norms shifts.

In the paper the author considers what epistemological resources that made such a radical position possible. Cyberpunk cyborgs buy into the classical ontological binary: they conspire to obtain power while fearing self-generating machines and the biological individualized person. Haraway’s cyborg, however, is based on a feminist critique of the subject and of the objectification of femininity. That critique in combination with post-positivism and anarcho-epistemology has enabled the development of a new code of ontology in which the opposition between nature and culture is radically rejected and replaced by a hybrid symbiosis without external foundations. This approach has paved the way for contemporary contingent/unstable ontologies, agent realism and the new materialism. A political position derived from contingent ontology would not formulate antagonistic oppositions of doubtful genesis. It would instead construct new algorithms, connections, and interactions in a fragile non-repressive natural-cultural reality bombarded by a constant influx of new data.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-109-127

References

- Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society], Moscow, AST, 2010.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin. *Environmental Humanities*, 2015, vol. 6, pp. 159–165.
- Haraway D. Manifest kiborgov: nauka, tekhnologii i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh gg. [A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. *Gendernaia teoriia i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000* [Gender Theory and Art. Anthology: 1970–2000] (eds K. Deepwell, L. Bredikhina), Moscow, Rosspen, 2005, pp. 322–377.
- Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, London, Verso, 2015.
- Standing G. *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Moscow, Ad Marginem, Garazh, 2013.
- Steila D. *Nauka i revoliutsiia: retseptsiiia empiriokrititsizma v russkoi kul'ture (1877–1910 gg.)* [Scienza e rivoluzione. La recezione dell’empiriocriticismo nella cultura russa (1877–1910)], Moscow, Akademicheskii Proekt, 2013.
- Wark M. *Molecular Red: Theory for the Anthropocene*, New York, Verso, 2015.